

Глава 3

Чёрное пальто, перекинутое через руку Хэ Цыдуна, коснулось плеча Цэнь Цзина. Он посмотрел вниз, на его лицо.

— Встань.

Не «отойди», а именно «встань». Голос был ровным, безэмоциональным.

Угрозы и предупреждения на приёме, похоже, истощили его терпение. Цэнь Цзин не сомневался, что в глазах этого человека он уже ничем не отличался от покойника. Разобраться с семьёй Цэнь для него было лишь вопросом времени.

Цэнь Цзин понимал, что лучшим выходом сейчас было бы подчиниться. Но он не хотел. За всю свою жизнь — и прошлую, и нынешнюю — он так и не научился этому искусству.

— Голова кружится, не могу встать, — всё тем же ленивым тоном отозвался он.

Хэ Цыдун не двинулся с места, продолжая смотреть на него сверху вниз.

Цэнь Цзин встретил его взгляд.

— У тебя ещё есть ко мне дела?

— Иди курить на улицу.

Цэнь Цзин с удивлением посмотрел на тлеющую сигарету в своих пальцах и вскинул бровь. Он припомнил, что в книге упоминалось о нелюбви Хэ Цыдуна к табачному дыму и о его маниакальной чистоплотности — комнаты должны были убираться ежедневно.

В следующую секунду Цэнь Цзин действительно поднялся на ноги. От выпитого его слегка пошатнуло, и он с трудом удержал равновесие. Стоя на ступеньках, он оказался почти на полголовы ниже Хэ Цыдуна.

Но это его ничуть не смутило. Он сделал ещё одну затяжку, стряхнул пепел и, глядя прямо в глаза Хэ Цыдуну, нарочито произнёс:

— Так я и так на улице. Куда мне ещё идти?

Хэ Цыдун шагнул ближе и резко схватил его за подбородок.

Сцена на приёме повторилась, и уже готовое сорваться с языка «тёплое» приветствие застряло в горле. На этот раз целью Хэ Цыдуна была не его шея. Пальцы скользнули выше, сжав щёки.

Цэнь Цзин, с губами, невольно сложившимися в букву «О», молчал.

«Братан, мы можем играть по правилам?»

Хэ Цыдун медленно обвёл его лицо изучающим взглядом и, наконец, встретился с ним глазами.

— В тебе что-то не так, — произнёс он.

Холодный пот мгновенно выступил на спине Цэнь Цзина. Ему показалось, что воздух вокруг застыл. Мерцающий огонёк сигареты и струйка дыма стали единственными движущимися

объектами в этом замершем пространстве.

Он, в общем-то, и не собирался притворяться прежним Цэнь Цзином и понимал, что разоблачение — лишь вопрос времени. Но реальность оказалась слишком ошеломляющей. Во-первых, это было неожиданно. А во-вторых, перед ним стоял не кто-нибудь, а Хэ Цыдун. Взгляд этого безупречно одетого мужчины обладал животной, давящей силой. Цэнь Цзин, за свою прошлую жизнь повидавший всякое, прекрасно знал: такой взгляд приобретается только через нечеловеческие испытания. Это полностью соответствовало образу Хэ Цыдуна, человека, выбравшегося из самой грязи.

Цэнь Цзин взял себя в руки и вырвался из его хватки.

— Конечно, не так, — холодно усмехнулся он. — Прежний Цэнь Цзин давно мёртв.

Он потёр тыльной стороной ладони ноющую скулу. Из-за нелепой позы его слова прозвучали не так грозно, как хотелось бы.

— Он умер в ту самую ночь, когда ты привёл домой Яо Вэньюя, — полуправдиво-полулживо продолжил Цэнь Цзин. — Хэ Цыдун, мы дошли до точки невозврата. Неужели ты ждёшь, что я и дальше буду униженно ползать за тобой? Раз мы так противны друг другу, то с этого дня давай договоримся: я — это я, а ты — это ты.

После истории с видео Цэнь Цзин понял, что между книгой и реальностью есть расхождения, или, вернее, книга была слишком поверхностной и содержала пробелы. Хэ Цыдун действительно мучил его, но до постели дело не доходило. Были ли другие нестыковки, проверить было невозможно. Но притворяться он не хотел и не собирался. Так было лучше для всех: время придёт — разойдёмся, и все будут счастливы.

Хэ Цыдун стоял в тени, и его лица было не разглядеть. Цэнь Цзин не мог понять, о чём он думает. Он молчал, и это молчание не давало никаких подсказок.

Прошло пять, может, десять секунд, прежде чем Цэнь Цзин услышал его ответ:

— Хорошо.

Цэнь Цзин замер.

«?»

— Но лучше не попадайся мне, — добавил Хэ Цыдун.

Эта фраза прозвучала двусмысленно. Цэнь Цзин понял, что тот ему не поверил. Было неясно, во что именно: в то, что он перестанет его преследовать, или в историю о «мёртвом Цэнь Цзине». Но это уже не имело значения. От пережитого напряжения снова разболелся желудок.

Нахмурившись, Цэнь Цзин взъерошил волосы и кивнул на дверь:

— Позови кого-нибудь открыть.

Заметив брошенный на него взгляд, он пояснил:

— У меня нет номера дяди Чжуна.

Дядя Чжун был экономом, ему было уже за шестьдесят. Говорили, что Хэ Цыдун познакомился с ним ещё в свои уличные времена. Тот ему помог, и вот уже больше десяти лет они были вместе. Когда Хэ Цыдун купил этот дом, он сразу же забрал старика к себе.

Хэ Цыдун не обратил на него внимания, подошёл к краю ступеней и нажал на кнопку электронного звонка.

Полностью проигнорированный, Цэнь Цзин смотрел на его действия, впервые подумав, что переселение в этот мир повредило ему мозг.

Дверь почти сразу открылась. Цэнь Цзин, потеряв нос, без малейшего смущения последовал внутрь. Он шёл прямо за Хэ Цыдуном, когда тот вдруг резко остановился, и Цэнь Цзин едва не врезался ему в спину.

— Ты чего? — спросил он.

Хэ Цыдун обернулся и посмотрел на его руку. Цэнь Цзин проследил за его взглядом и понял, в чём дело. Подняв руки в жесте капитуляции, он бросил окурочок на пол и затушил его ногой.

Он вопросительно посмотрел на Хэ Цыдуна, но тот, не говоря ни слова, снова отвернулся.

Переступив порог, дядя Чжун, очевидно, не ожидал увидеть их вместе. Он на мгновение замер, а затем принял у Хэ Цыдуна пальто.

— Почему не предупредили, что вернётесь? Проголодались? На кухне есть ужин.

— Не нужно, — ответил Хэ Цыдун. — Я не голоден.

— А я голоден, дядя Чжун, — тут же вставил Цэнь Цзин. — Хочу каши.

Услышав его голос, старик остановился и, обернувшись, с укором посмотрел на него.

— Опять пил? Врач же сказал, у тебя больной желудок, почему ты не слушаешься?

Цэнь Цзин с улыбкой показал пальцами:

— Совсем чуть-чуть.

От входной двери, через огромную открытую прихожую, нужно было пройти по небольшому изогнутому деревянному мостику, чтобы попасть во внутренний двор. Под мостом текла вода, и её тихое журчание наполняло пространство.

Хэ Цыдун остановился на мосту, прислушиваясь к разговору за спиной.

— И чуть-чуть нельзя, — продолжал дядя Чжун. — И где ты был до такого времени?

— Встречался с другом, ели шашлыки.

— Неудивительно, что от тебя так пахнет дымом. Иди, прими душ. Я попрошу тётю Чэнь приготовить кашу, спустишься, когда закончишь.

— Спасибо, дядя Чжун.

На пару секунд Хэ Цыдун погрузился в свои мысли, но быстро очнулся и пошёл дальше. Цэнь

Цзин не заметил его заминки.

Он понял, что в этом доме, в отличие от многих в его окружении, к нему относились иначе. Дядя Чжун и остальные не знали всех подробностей его истории. Они знали лишь, что он женился на Хэ Цыдуэне и теперь будет жить здесь. Люди старшего поколения консервативны: как бы ни сложились обстоятельства, брак — это свершившийся факт.

За неделю, что они провели вместе, они увидели, что Цэнь Цзин совсем не похож на того человека, о котором судачили за его спиной. Этот юноша был слаб здоровьем, сразу после свадьбы пролежал неделю в постели с температурой после переохлаждения в ледяной воде. Старики относились к Хэ Цыдуэне как к собственному сыну, но знали, что он не из тех, кто умеет заботиться и проявлять нежность. Он всегда был холоден с людьми. Поэтому их сердца, смягчившись, прониклись к Цэнь Цзину сочувствием и симпатией.

Поднявшись наверх, Цэнь Цзин тут же склонился над унитазом.

«Алкоголь — яд», — пронеслось в голове.

Они с Хэ Цыдуэнем не жили вместе. Комната, в которой он обитал, на самом деле была не свадебной спальней, а гостевой, которую долгое время готовили для Яо Вэньюя. Цэнь Цзин позже узнал от дяди Чжуна, что Яо Вэньюй после возвращения в страну иногда останавливался здесь.

Почему он теперь жил здесь? Потому что прежний Цэнь Цзин не мог вынести мысли, что в их с Хэ Цыдуэнем семейном гнёздышке так явно ощущались следы присутствия другого мужчины. Когда нынешний Цэнь Цзин очнулся, он уже был в этой комнате. Ему было всё равно, где жить, поэтому, не видя смысла в переезде, он просто попросил прислугу убрать вещи Яо Вэньюя в другую комнату и остался здесь.

Когда Цэнь Цзин после душа спустился вниз, его глаза были немного покрасневшими от рвоты, а на лице читалась усталость. На лестнице он столкнулся с тётёй Чэнь, несшей из кухни кашу. Он поздоровался, и женщина с беспокойством посмотрела на него:

— Я приготовила тебе отрезвляющий отвар, выпей потом.

— Хорошо, — кивнул Цэнь Цзин.

Обойдя гостиную, он с удивлением обнаружил, что тот, кто утверждал, что не голоден, сидел за обеденным столом и ел суп. Хэ Цыдун тоже принял душ и переоделся в домашнюю хлопковую одежду. Его волосы были ещё влажными. Этот человек, казалось, занимал собой всё пространство, даже просто сидя за столом. Широкие плечи, длинные ноги — даже в такой расслабленной позе от него исходила аура спящего льва, который по своей сути всё равно оставался хищником.

Тётя Чэнь подошла сзади.

— Садись, чего стоишь как вкопанный?

Цэнь Цзин наугад выдвинул стул и сел за стол, слушая её причитания:

— Ну что вы за люди, оба по ночам гуляете, да ещё и пьёте. Молодые, а здоровье не бережёте.

Таких слов Цэнь Цзин раньше никогда не слышал. Он не чувствовал раздражения, наоборот, в

этой ночной тишине ему стало немного теплее.

— Цыдун, — продолжала тётя Чэнь, — посмотри, как плохо выглядит Сяо Цзин. У тебя же есть друг-врач, позови его, пусть осмотрит. У него лицо совсем белое, смотреть страшно.

Цэнь Цзин рефлекторно дотронулся до своего лица и с невинным видом посмотрел на тётю Чэнь. Тут он заметил, как Хэ Цыдун бросил на него быстрый взгляд и прямо заявил:

— Ему не нужен хирург.

Смысл был ясен: помочь он не сможет. Вероятно, он считал, что Цэнь Цзину нужен психиатр. Даже тётя Чэнь растерялась от такого ответа.

Цэнь Цзин мысленно закатил глаза и с улыбкой успокоил её:

— Тётя Чэнь, со мной всё в порядке. Выпью вашу кашу — и все болезни пройдут.

Его слабое здоровье было следствием трудного детства. Он был нежеланным ребёнком, его мать занималась известно чем, и жили они в ужасных условиях. Голод был обычным делом. К тому же, у прежнего Цэнь Цзина был тяжёлый характер, он страдал от бессонницы и совершенно не заботился о себе. Организм был изношен до предела, и он постоянно болел.

В прошлой жизни Цэнь Цзин по работе был знаком с одним специалистом по традиционной медицине и знал, что такие состояния можно исправить только долгим и терпеливым лечением. Всё остальное — пустые слова. При этой мысли у него снова разболелась голова.

«Не повезло родиться господином, а болезней — целый букет, как у изнеженного аристократа. Ни переутомляться, ни переживать нельзя».

К счастью, до развода оставался ещё год, и у него было время всё обдумать. Хэ Цыдун, хоть и был подонком, по крайней мере, в быту его не притеснял. Да и тётя Чэнь с дядей Чжуном были очень добры.

Его слова наконец заставили тётю Чэнь улыбнуться, и она, развернувшись, ушла. Обернувшись, Цэнь Цзин заметил, что Хэ Цыдун всё ещё смотрит на него.

— Что? — беззлобно спросил он.

— Смотрю, как ты притворяешься, — Хэ Цыдун неторопливо отложил ложку. — Раз уж начал играть, так играй до конца. Посмотрим, надолго ли тебя хватит.

Выражение лица Цэнь Цзина стало трудноописуемым.

Он знал, что уже большая удача, что Хэ Цыдун его не убил. Какое тому дело до его здоровья? Он будет толковать каждый его поступок с максимальной злобой, а Цэнь Цзин, в свою очередь, не мог доверять этому человеку. Его симпатия к дяде Чжуну и тёте Чэнь была искренней и не имела никакого отношения к актёрской игре.

Больше они не разговаривали. Вероятно, решив, что его присутствие портит аппетит, Хэ Цыдун, съев половину супа, поднялся наверх. Цэнь Цзин был этому только рад. Он не знал, почему Хэ Цыдун сегодня вернулся сюда, а не остался со своим «белым лунным светом», но это был его дом, и он, Цэнь Цзин, был здесь лишь временным жильцом без права голоса. От этих мыслей становилось тоскливо.

Перед сном Цэнь Цзин попросил у тётки Чэнь лекарство от желудка и, приняв его, заснул. На удивление, он спал крепко.

На следующий день он проснулся ровно в восемь. Оранжевые лучи восходящего солнца окрашивали горизонт вдаль, окутывая город лёгкой дымкой. Открыв резное деревянное окно на втором этаже, он вдохнул свежий утренний воздух, пахнувший росой и травой.

В саду дядя Чжун поливал цветы. Цэнь Цзин, оперевшись о подоконник, поздоровался с ним. Старик окликнул его, приглашая спуститься к завтраку.

Прекрасное настроение Цэнь Цзина испарилось в тот самый миг, когда он, переодевшись, вышел на лестничную площадку.

— И о чём только думал этот придурок Цэнь Цзин? — донёсся до него чей-то голос. — Устроил скандал на приёме. Теперь все в курсе, как он бесстыже бегаёт за старшим братом Дуном и каётся, хуже последней собаки.

Цэнь Цзин с досадой отметил, что у этих людей на удивление скудный словарный запас: для его характеристики они неизменно использовали слово «собака».

Он легонько постучал по перилам.

Опершись на них, он окинул взглядом молодого человека, обернувшегося в гостиной, и негромко произнёс:— Приятель, ты с утра в выгребную яму угодил? Посмотри, какой смрад у тебя изо рта.

Именно в этот момент из кухни с чашкой кофе в руках вышел Хэ Цыдун.

— И кстати, — продолжил Цэнь Цзин, не сводя глаз с гостя, — поинтересуйся у своего братца Дуна, кто из нас вчера за кем бегал и в чём каялся.

Хэ Цыдун сам подошёл к нему первым. Есть старая истина: кто первый начал, тот и не прав. Но нет, с самого утра кому-то непременно нужно испортить настроение.

На лице молодого человека, которому на вид было не больше двадцати, отразилось такое изумление, словно он увидел призрака. Он растерянно открыл рот, не зная, что ответить, и метнул умоляющий взгляд в сторону Хэ Цыдуна.

— Ты что, от материнской груди ещё не оторвался? — обрушился на него Цэнь Цзин шквалом слов. — Школу не закончил? Может, лучше к мамочке вернёшься, за утешением? Называть кого-то придурком в его же доме — это, по-твоему, верх остроумия? И не смотри на меня так. Раз ты готов унижаться перед тем, кого сам же называешь псом, то в моих глазах ты опустился ниже любого животного.

Сегодня он был одет не в привычные для своего предшественника мрачные наряды, а в светлую повседневную одежду. Длинные волосы были небрежно собраны в пучок на затылке, открывая высокий лоб и лицо с резкими из-за худобы, но точёными чертами.

Он всегда просыпался не в духе, особенно если его оскорбляли до того, как он успевал окончательно прийти в себя. В такие моменты его язык, отточенный в судебных залах и не раз вгонявший в ступор даже самых опытных коллег, срабатывал быстрее разума.

Молодой человек был совершенно ошеломлён.

Хэ Цыдун тем временем дошёл до дивана в гостиной. Поставив чашку на журнальный столик, он поднял взгляд на Цэнь Цзина, замершего у перил.

И небрежным жестом поманил его вниз.

<http://bllate.org/book/13436/1196229>